

П. М. Ткач*

Проблема новой интерпретации романа Ши Найаня «Речные заводы»**

Аннотация. Статья посвящена анализу некоторых аспектов сюжета романа Ши Найаня (施耐庵, 1296–1372) «Речные заводы» («Шуйхучжуань» 水滸傳, букв. «Повествование о берегах вод»). Рассматриваются три проблемы, которые позволяют взглянуть на роман с новых, ранее неисследованных ракурсов. В первой части автор обращается к вопросу благородства героев. Благородство китайского разбойника спорно, непостоянно и не распространяется на «чужих». Во второй части будут разобраны традиционные враги главных героев романа, в числе которых были не только чиновники и правительственные войска, но и представители местных землевладельческих элит. В третьей части будет анализироваться суть восстания героев: встречающееся в научной литературе определение восстания как антиправительственного крестьянского движения, судя по всему, не отражает характера событий произведения.

Ключевые слова: «Речные заводы», Ши Найань, Сун, китайская литература, китайский роман, восстание

Petr M. Tkach***

The Problem of a New Interpretation of Shi Nai'an's Novel «The Water Margin»

Abstract. The article is devoted to the analysis of some aspects of the novel of Shi Nai'an (施耐庵, 1296–1372) «The Water Margin» («Shuihuzhuan»

---

* *Ткач Пётр Максимович*, студент Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, peter.tkatch@gmail.com

** Автор выражает признательность С. В. Дмитриеву за помощь при написании настоящей статьи.

*** *Tkach Petr Maksimovich*, Undergraduate Student, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, peter.tkatch@gmail.com

© Ткач П. М., 2023; © ФГБУН ИВ РАН, 2023

水滸傳). The author considers three theses that allow us to begin the study of the novel from new, previously unexplored angles. In the first part, the author addresses the problem of the dignity of the characters. The dignity of the Chinese outlaw is debatable, impermanent, and does not extend to «outsiders». The second part will analyze the traditional enemies of the novel's protagonists, which included not only officials and government troops, but also representatives of local landowning elites. The third part will analyze the essence of the heroes' uprising; the definition of the uprising as an anti-government peasant movement that may be found in the scientific literature does not reflect the real nature of the events.

Keywords: «The Water Margin», Shi Nai'an, Song, Chinese literature, Chinese novel, rebellion

Классическая литература Китая на протяжении долгого времени вызывает интерес не только у китайских исследователей, но и за рубежом. Наиболее известные произведения объединяются в «Четыре великих именитых творения» (*Си да мин чжу* 四大名著), в число которых входит и роман Ши Найаня (施耐庵, 1296–1372) «Речные заводи» («Шуйхучжуань» 水滸傳, букв. «Повествование о берегах вод»). В России они были переведены [Панасюк 1954; Рогачёв 1955; Рогачёв, Колоколов 1959; Панасюк 1958], не раз проводились текстологические исследования [Пан 2008; Рифтин 1970, 2004, 2006]¹. В данной статье мы хотели бы обратиться к трём проблемам, которые не нашли должного отражения в российской научной литературе.

Главным объектом нашего исследования является роман «Речные заводи», написанный, как считается, в третьей четверти XIV в. Ши Найанем. Роман появился в результате художественно-литературной обработки устных сказаний о восстаниях в эпоху Сун (960–1276 гг.). В середине 1119 г. на территории современной провин-

---

¹ Первая часть монографии Пан Ина посвящена истории создания романа «Речные заводи», его связи с реальным восстанием, а также проблеме авторства романа, вторая часть состоит из его статей по текстологическому исследованию романа Цао Сюэциня 曹雪芹 (1715–1763) «Сон в красном тереме» («Хун лоу мэн» 紅樓夢). Упомянутые работы Б. Л. Рифтина рассматривают различные версии романа Ло Гуаньчжуна 羅貫中 (1330–1400) «Троецарствие» («Сань го янь и» 三國演義, букв. «[Популярное] переложение смысла "[Описания] трёх царств»»), теорию романа и его иллюстрации.

ции Шаньдун² вспыхнуло восстание, возглавленное мелким чиновником уездной управы Сун Цзяном (宋江, ?–1122/1124). Укрывались же восставшие в горах Ляншань 梁山 на территории сегодняшнего уезда (сянь 縣) Ляншань 梁山 той же провинции. В 12-м месяце 1119 г. против них были высланы правительственные войска, но восстание продолжало набирать обороты, лишь в 1122 г. над ними была одержана победа. В 1124 году Сун Цзян был отравлен собственными соратниками [История Китая с древнейших времён... 2016, с. 264].

Несмотря на подавление выступления, восстание стало темой для многочисленных произведений устного народного творчества: сказов, стихов и песен. Их продолжали создавать на протяжении XII–XIV веков. Фактически реальные события породили собой народные легенды, а роман «Речные заводы» стал переходной формой между фольклорно-эпическим повествованием и романом [Бокщанин, Непомнин 2015, с. 94].

Благородство разбойника из «Речных заводов»

«Услышать имя – не то, что увидеть лицо, увидеть лицо лучше, чем услышать имя. Справедливый муж – *тыся*, примите [положенные] по этикету [приветствия]»³ 聞名不如見面，見面勝似聞名。義士提轄受禮 [Ши 2018, с. 56]. Подобным образом Ши Найань описывает сцены знакомства и дальнейшего взаимоотношения между 108-ю главными героями на протяжении всего романа. В первой части статьи мы хотели бы обратиться к проблеме благородства персонажей романа. Изысканные манеры и исключительно высокие моральные качества героев, которые представляются нам по ходу прочтения романа, не вполне отражают реальность произведения, в которой эти персонажи существуют. В науч-

---

² В годы империи Сун на территории современного Шаньдуна в 997 г. была образована область (лу 路) Цзиндун 京東, в 1072 г. разделена на Восточную область (Цзиндун дун-лу 京東東路) и Западную область (Цзиндун си-лу 京東西路). События романа разворачивались на землях Восточной области.

³ У А. П. Рогачёва: «Примите, благородный герой, моё самое искреннее уважение. Правильно говорится: “Никакая молва не заменит личного знакомства”» [Ши 2008, т. 1, с. 65]. *Тыся* – чин эпохи Сун, гражданский или военный инспектор-контролёр, букв. «держачий в руках управление».

ной литературе также встречается утверждение, что персонажи романа являются героями: «Но в романе они показаны как настоящие герои: они отважны, готовы прийти на помощь людям, попавшим в беду, им присуще чувство независимости и внутренней свободы; их бунт против властей благороден, так как направлен против царящего в мире зла и несправедливости» [Воскресенский 2008, с. 98]. В романе благородство, как правило, обозначается словами *и-ци* 義氣 («справедливый дух»), обладатель такого качества мог называться «выдающимся героем» (*хао-цзе* 豪傑), «благодетельным человеком» (*энь-жэнь* 恩人), а также «славным молодцем» (*хао-хань* 好漢). На примере нескольких ключевых персонажей романа мы попытаемся разобрать проблему благородства героев и доказать своё утверждение о том, что благородство китайского разбойника спорно, непостоянно и не распространяется на «чужих».

Во-первых, благородство разбойника было сугубо «внутрицевогого» рода и закреплялось за ним после совершения ряда лихих или своенравных действий, на которые бы не решился простой обыватель⁴. Анализ примеров из романа стоит начать с лидера восставших Сун Цзяна, второе имя (*цзы* 字) которого было Гунмин 公明. Стоит обратить внимание на его прозвища: Своевременный Дождь (*Цзи-ши Юй* 及時雨), Взывающий к защите Справедливости (*Ху Бао-и* 呼保義), Третий Чёрный Молодец, Почтительный к Родителям и Справедливый (*Сяо-и Хэй-сань-лан* 孝義黑三郎) и Чёрный Сун Цзян (*Хэй Сун Цзян* 黑宋江)⁵. Некоторые из прозвищ, а именно Своевременный Дождь, Третий Чёрный Господин, Почтительный к Родителям и Справедливый и Чёрный Сун Цзян, он получил ещё во время своей службы писарем в уездном управлении Юньчэна (*Юньчэн ясы* 鄆城押司)⁶. В тот период его действительно можно было бы назвать благородным человеком (или, по крайней мере, порядочным – в общепринятом, обывательском

---

⁴ Мы следуем определению благородства по словарю русского языка под редакцией А. П. Евгеньевой: «Высокие нравственные качества; величие, возвышенность» [Словарь русского языка 1999].

⁵ А. П. Рогачёв переводит *Цзи-ши Юй* как «Благодатный дождь», *Ху Бао-и* как «Охраняющий справедливость». Народ прозвал Сун Цзяна Чёрным «из-за того, что у него лицо чёрное, тело низкое» 為他面黑身矮 [Ши 2008, с. 226].

⁶ Ныне – уезд городского округа Хэцзэ 菏澤 провинции Шаньдун.

смысле этого слова): он всегда помогал попавшим в беду людям, был почитателен к старшим, на службе был ответственным и бескорыстным, а также симпатизировал и заводил дружбу с вольными людьми (это считалось одной из добродетелей Сун Цзяна). Но однажды его любовница Янь Поси 閻婆惜 узнала о его переписке с разбойниками из лагеря в Ляншане, после чего начала шантажировать его и угрожать сдать властям. Во время ссоры Сун Цзян убил её, а затем был задержан властями и отправлен в ссылку. В итоге он оказался в стане Ляншань и возглавил его, так как был широко известен среди вольного люда. Под его руководством осуществлялся набор в разбойники, планировались и проводились военные операции. Он также освобождал своих соратников из заключения, брал в плен командиров правительственных войск и убивал несправедливых начальников областей. Все его деяния одобрялись остальными героями, а эпизод с участием Янь Поси вызывал их сочувствие. Именно за разбойническую деятельность, а не за чиновническое прошлое он получил прозвище Взывающий к защите Справедливости, которое появлялось в романе лишь два раза в самом конце произведения.

Второй ключевой персонаж, действия которого также можно неоднозначно оценивать, это Лу Чжишэнь Развратный Монах (*Лу Чжишэнь Хуа Хэшан 魯智深花和尚*)⁷. До присоединения к лагерю восставших он служил *тия* в управе города Вэйчжоу (*Вэйчжоу цзин-люэ фу ти-ся 渭州經略府提轄*)⁸, славился своим крутым и вспыльчивым характером. После избияния местного мясника («и снова ударил раз кулаком, [попал] прямо в висок, и так, словно провёл моление о [погибших на] воде и суше: [все] гонги-цин, тарелки-бо, колокольчики-нао разом зазвучали» 又隻一拳，太陽上正著，卻似做了一個全堂水陸的道場：磬兒、鉞兒、鐃兒一齊響 [Ши 2018, с. 50])⁹ ему пришлось сбежать из города, после чего он

⁷ А. П. Рогачёв переводит *Хуа Хэшан* как «Татуированный монах».

⁸ Во времена империи Сун – особый округ в составе провинции Хунань, ныне не существует.

⁹ У А. П. Рогачёва: «...он ударил мясника кулаком в висок так, что у того в голове разом начали бить металлические била, медные тарелки и цимбалы, словно совершалось даосское заупокойное богослужение по всем душам умерших на суше и на воде» [Ши 2008, т. 1, с. 59].

стал монахом в буддийском монастыре на горе Утайшань 五臺山. В монастыре он продолжал буйствовать: пьянствовал, крушил монастырское имущество, нападал на монахов, из-за этого настоятелю пришлось выгнать его. Прежде чем он смог добраться до монастыря Дасянго-сы 大相國寺 в Восточной столице (Дуницзин 東京)¹⁰, Лу Чжишэнь неоднократно вступал в конфликты с жителями деревень и местными бандами. В Дасянго-сы его назначили сторожем монастырских огородов. Пока он занимал этот пост, он познакомился с местными бездельниками, а также с другим главным героем романа – Линь Чуном Головой Барса (Линь Чун Бао-цзы Тоу 林冲豹子頭)¹¹. Вскоре он покинул Восточную столицу и вместе с Ян Чжи Темномордным Зверем (Ян Чжи Цин-мянь Шоу 楊志青面獸) основал собственный разбойничий лагерь на горе Эрлуншань 二龍山 в области Цинчжоу 青州¹² (это происходит в 17-й главе романа)¹³. В следующий раз он появился в 58-й главе, к его лагерю также присоединился У Сун Путник (У Сун Синчжэ 武鬆行者)¹⁴ (сюжеты про У Суна войдут в основу другого не менее известного, хотя и более позднего романа – «Цветы сливы в золотой вазе» («Цзинь пин мэй» 金瓶梅)), в этой же главе Лу Чжишэнь вместе со своим станом присоединился к восставшим из Ляншань.

Примерно похожая ситуация обстоит почти со всеми другими главарями из лагеря в Ляншань. Каждый из них когда-то имел мирное дело, на досуге занимался упражнениями с оружием. Совершив преступление (как правило, по случайности и/или в нетрезвом виде), они вынуждены были бежать и промышлять разбоем. Именно поэтому их поступки никогда не встречали осуждения

---

¹⁰ В настоящее время – город Кайфэн 開封 провинции Хэнань.

¹¹ А. П. Рогачёв переводит *Бао-цзы Тоу* как «Барсоголовый».

¹² В настоящее время – городской уезд городского округа Вэйфан 濰坊 провинции Шаньдун.

¹³ В нашем исследовании мы используем текст романа издания «Эннеагон Пресс» 2008 г., которое, в свою очередь, является репринтом второго издания 1959 г. По нему, пролог считается первой главой, в других же изданиях нумерация начинается уже после пролога. Именно поэтому в издании «Эннеагон Пресс» всего 71 глава, в других же изданиях – 70.

¹⁴ А. П. Рогачёв переводит *Синчжэ* как «Странствующий монах», а *Цин-мянь Шоу* как «Черномордый зверь».

среди таких же беглецов, а противодействие со стороны властей всегда воспринималось как нечто несправедливое, низкое и подлое. Ниже будет дана таблица с кратким описанием историй некоторых героев и их пути к преступной жизни.

Таблица 1

Имя героя	Занятие в мирной жизни	Преступление	Вступление в Ляншань
Сун Цзян	Писарь в уездном управлении	Убил любовницу Янь Поси	В 41-й главе был спасён от казни, присоединился к лагерю
Лу Чжишэнь	Тися в городе Вэйчжоу	В драке убил по неосторожности мясника Чжэна 鄭	В 58-й главе его лагерь на горе Эрлуншань вливается в Ляншань
У Сун	–	В пьяном виде убил в драке по неосторожности чиновника	В 58-й главе вместе с Лу Чжишэнем
Ли Куй 李逵	Крестьянин, тюремный стражник	Убил человека	В 41-й главе вместе с тремя разбойниками присоединился к стану
Пэй Сюань Железнодорожный Кунму (Пэй Сюань Темянь Кунму 裴宣鐵面孔目) ¹⁵	Мелкий чиновник	Был несправедливо осуждён, клеймён и сослан	В 44-й главе вместе со своим станом присоединяется к Ляншаню

Также стоит отметить презрение разбойников из романа к нормам общепринятого поведения. В первую очередь, это действия героя по имени Ли Куй Чёрный Вихрь (*Ли Куй Хэй Сюаньфэн* 李逵黑旋风). Однажды он поругался с Сун Цзяном, так как тот не хотел посылать его вместе с остальными в поход против правительственных войск. Ночью он выбрался в одиночку из лагеря

¹⁵ У А. П. Рогачёва *Темянь Кунму* 鐵面孔目 – «Справедливый судья» и «Судья с железным лицом». *Кунму* – чин эпохи Сун, служащий архива.

и отправился в сторону Линчжоу 凌州¹⁶, чтобы убить двух находившихся там полководцев. По пути он проголодался и, хотя у него не было с собой никаких денег, решил остановиться в деревенском кабаке. Отобедав и выпив, он собрался уходить, но его остановил Хань Бо-лун 韓伯龍, который тоже был разбойником из Ляншань, но из-за многочисленных забот в лагере не имел возможности познакомиться со всеми вольными людьми. Ли Куй сделал вид, что оставил один из своих топоров в качестве залога, после чего «Хань Бо-лун, не зная об этих замыслах, протянул руку, чтобы взять [топор]. [Топор был] поднят рукой Ли Куя, [Хань Бо-лун] был ударен топором в лоб – [Ли Куй как будто] разрубил нарыв» 韓伯龍不知是計，舒手來接。被李逵手起，望面門上隻一斧，脰磨地砍著 [Ши 2018, с. 883]¹⁷. Работники кабака в страхе разбежались, а Ли Куй ограбил его и поджёг. Ситуация, в которую попал Ли Куй, довольно проста и понятна: он решил во что бы то ни стало получить бесплатно услугу. Даже не попытавшись разобраться в ситуации, он решает убить своего «обидчика» и отправиться дальше по своим делам.

В другом эпизоде, в котором также участвует Ли Куй, происходит следующее. Однажды Сун Цзян, Ли Куй, Дай Цзун Духоподобно Летящий Наставник (*Дай Цзун Шэнь-син Тай-бао* 戴宗神行太保)¹⁸ и Чжан Шунь Белая Лента в Волнах (*Чжан Шунь Лан-ли Бай-тяо* 張順浪裏白條) вместе пировали в трактире. Они выпивали, ели рыбный суп и беседовали о разном. Во время разговора вошла девушка лет шестнадцати, отвесила четыре глубоких поклона и начала петь. Так она прервала рассказ Ли Куя, после чего тот разозлился и дал ей затрещину в лоб. Девушка потеряла сознание, лишь после того, как ей оказали помощь слуги, она при-

---

¹⁶ Ныне – Линчэн 陵城, район городского подчинения городского округа Дэчжоу 德州 провинции Шаньдун.

¹⁷ У А. П. Рогачёва: «Хань Бо-лун, ничего не подозревая, протянул руку, чтобы взять его. Но Ли Куй в этот момент взмахнул топором и с такой силой ударил Хань Бо-луна по голове, что череп у него раскололся пополам» [Ши 2008, т. 2, с. 606].

¹⁸ А. П. Рогачёв переводит *Шэнь-син Тай-бао* как «Волшебный скорострел», а *Лан-ли Бай-тяо* как «Белая лента в воде». В первом томе «Исторических записок» («Ши цзи» 史記) Сыма Цяня 司馬遷 (145/135 – ок. 87) Р. В. Вяткин предлагает перевести *тайбао* как «великий воспитатель» [Сыма 1972, т. 1, с. 425].

шла в себя, они же и заметили, что у неё на лбу был сорван кусочек кожи. Её родители также находились в трактире, но когда они увидели, что её обидчиком был Ли Куй, они не решились начать ссору с разбойниками. Проблему решил Сун Цзян: он выслушал историю их семьи и убедил мать не обращаться к властям с жалобой на разбойников в обмен на денежное вознаграждение.

Отличным примером также послужит история четы Чжан Цина Огородника (*Чжан Цин Цай-юань-цзы* 张青菜園子) и Матушки Ночные Вилы (*Сунь Эрнян Му Е-ча* 孙二娘母夜叉), которые держали свой кабак¹⁹. Впервые о них рассказывает Лу Чжишэнь, которому посчастливилось с ними познакомиться. Когда он проходил мимо местечка Шицзыпо 十字坡 в округе Мэнчжоу 孟州²⁰, Сунь Эрнян отравила его, когда тот остановился в их заведении. Ей не удалось убить его, так как вовремя вернулся её муж Чжан Цин, которому очень понравились его посох и кинжал. Чжан Цин понял, что перед ним вольный человек, которому нельзя дать умереть, и дал ему противоядие, после чего они побратались, а Лу Чжишэнь ещё прожил у них четыре дня, после чего продолжил свой путь. В следующий раз на их кабак наткнулся У Сун, который шёл вместе с двумя стражниками под конвоем в место ссылки. Они также остановились в их кабаке, пили много вина, ели мясо и *маньтоу*, которые им подавала Сунь Эрнян. Стражники не глядя поглощали их, а У Сун решил осведомиться, из чего сделана их начинка, так как «увидел, что в начинке этого *маньтоу* было несколько волосков, один [из которых] походил на те волосы, что обычно [растут] у человека на месте [для отправления] малой нужды, вот поэтому стал подозревать и опасаться» 見這饅頭餡內有幾根毛，一象人小便處的毛一般，以此疑忌 [Ши 2018, с. 361]²¹. Тут на них начало действовать отравленное вино, стражники потеряли сознание, а У Сун лишь притворился. В короткой схватке он победил женщину, свалил её на пол, и тут к ним подоспел Чжан Цин. После знакомства он рассказал У Суну

¹⁹ А. П. Рогачёв переводит *Му Е-ча* как «Людоедка».

²⁰ В настоящее время Мэнчжоу является городским уездом городского округа Цзяоцзо 焦作 провинции Хэнань.

²¹ У А. П. Рогачёва: «... увидел в начинке несколько волосков, что, судя по виду, должны расти у человека в паху, вот и вспомнил эти рассказы» [Ши 2008, т. 1, с. 449].

историю их семьи. Какое-то время назад Чжан Цин занимался разбоем. После неудачной попытки ограбления старика он завёл с ним дружбу и ушёл жить в город, где спустя некоторое время женился на его дочери. Дочерью старика и была Сунь Эрнян, она также унаследовала от отца навык приготовления пищи из людей. Потом они уехали, построили свой кабак в Шицзыпо, где заманивали к себе путников, убивали их, а потом продавали их мясо под видом говядины (остатки уходили в начинку для *маньтоу*). У Сун также побратался с Чжан Цином, несколько дней пировал в их кабаке вместе со своими стражниками. Только потом он отправился дальше в Мэнчжоу, а чета вскоре присоединилась к лагерю Лу Чжишэня.

Случай, который произошёл с Линь Чуном, также подтверждает наше утверждение об амбивалентности благородства разбойников. Пока он был заключённым в Цанчжоу 滄州²², он служил сторожем складов с военным фуражом. Однажды к Линь Чуну пришли его враги и сожгли склады, надеясь таким образом убить его. Ему повезло находиться в другом здании, когда склады горели неподалёку. Линь Чун нашёл трёх убийц и расправился с ними, после чего вынужден был бежать. Спустя несколько часов он наткнулся на хижины, в которых крестьяне охраняли закрома с рисом. Они впустили Линь Чуна и разрешили ему отогреться у их очага. Когда он попросил крестьян поделиться с ним вином, они сказали, что у них и так его мало, даже самим не хватает. Линь Чун не унимался, продолжал требовать дать ему вина, на что ему крестьяне сказали: «Уходи так уходи, а если не уйдёшь – придёшь сюда висеть» 去便去, 不去時將來吊在這裡 [Ши 2018, с. 142]²³. Линь Чун разозлился, насадил на свою пику горящее полено из очага и сунул его в лицо старому крестьянину, у которого вмиг загорелись усы и борода. Все крестьяне разбежались, после чего ему удалось насладиться вином в одиночестве. Захмелев, он вышел из хижины и продолжил свой путь. Прошёл он всего ничего, и тут на него налетел порыв ветра, который свалил его в канаву. Линь Чун настолько опьянел, что уже не мог самостоятельно выбраться оттуда. Через

---

²² Сейчас Цанчжоу является городским округом в провинции Хэбэй.

²³ У А. П. Рогачёва: «Уходи-ка отсюда подобру-поздорову. Не уйдёшь, так останешься висеть на этой балке под потолком» [Ши 2008, т. 1, с. 172].

какое-то время к нему подошла толпа крестьян с дубинами, связала его и увела в поместье к своему господину.

Эпизод с участием Ян Сюня Больного Гуань Со²⁴ (*Ян Сюн Бин Гуань Со 楊雄病關索*), Ши Сю Третьего Мужа, Выбрасывающего Жизнь (*Ши Сю Пань-мин Сань-лан 石秀拚命三郎*)²⁵ и Ши Цяня Блохи на Барабане (*Ши Цянь Гу-шан Цзао 時遷鼓上蚤*) также подтверждает наше утверждение. Они втроем направлялись в Лян-шань, по пути решили остановиться на ночлег в деревне неподалёку от поместья Чжуцзячжуан 祝家莊 (Поместье семьи Чжу)²⁶. Когда на дворе все слуги разошлись спать, Ши Цянь спросил у разбойников, не хотят ли они мяса, и предъявил им большого петуха в котле. На вопрос, откуда он его взял, Ши Цянь рассказал, что нашёл его за домом в клетке, вытащил его оттуда, затем отнёс его к реке, где и зарезал его. После этого он принёс к ней котел и сварил в нём петуха. Его друзья со смехом оценили его предложение, вспомнили его ремесло (Ши Цянь был вором) и приступили к еде. Утром слуга постоянного двора обнаружил пропажу и котёл с супом, между ним и разбойниками начался конфликт, так как этот петух будил их каждое утро. «Только глядят – с постоянного двора к ним выбежали, «[помахивая] красными прутьями» (т. е. обнажённые. – П.Т.), трое-пятеро детей» 隻見店裡赤條條地走出三五個大漢來 [Ши 2018, с. 624–625] на помощь слуге, которые начали с разбойниками драку, но не смогли одолеть их, слуге же досталось: «[так] ударили в лицо, [что оно] опухло, и звука подать не мог» 一掌打腫了臉, 作聲不得 [Ши 2018, с. 625]²⁷. После этого разбойники спокойно поели, оде-

---

²⁴ Гуань Со 關索 (также встречается другое имя Хуа-Гуань Со 花關索) – вымышленный фольклорный персонаж, сын полководца Гуань Юя 關羽 (?–220). Ему приписывается участие в войнах периода Троецарствия (*Сань-го шидай 三國時代*, 220–280) на стороне царства Шу 蜀, впервые упоминается в песеннике «Жизнеописание Хуа Гуань Со» («Хуа Гуань Со чжуань» 花關索傳). Также является персонажем романа «Троецарствие», в нём он описывается как умелый воин, помогает Чжугэ Ляну 諸葛亮 осуществить поход против южного царства Наньмань 南蠻.

²⁵ У А. П. Рогачёва: Ян Сюн Злой Гуань Со и Ши Сю Отчаянный.

²⁶ В настоящий момент деревня Яньпо 岩坡 уезда Фэй 費 городского округа Линьси 臨沂 провинции Шаньдун.

²⁷ У А. П. Рогачёва: «В тот же миг из дома выскочили пять огромных голых парней» [Ши 2008, т. 2, с. 244]; у А. П. Рогачёва: «...успел ударить его в лицо, и оно так вздулось, что парень не мог и рта открыть» [Ши 2008, т. 2, с. 244].

лись, собрали свои вещи и украли из постоянного двора себе по мечу. Перед тем, как уйти, Ши Сю также поджёг двор. После четырёхчасового пути по тракту их настигла толпа из двухсот человек. В ходе короткого боя Ши Цяня схватили крюками и уволокли, а Ян Сюн и Ши Сю смогли скрыться и вернуться в стан Ляншань, где рассказали обо всём произошедшем. Этот случай также показывает вольных людей из «Речных заводей» не в лучшем свете – не как благородных разбойников, а как простых бандитов: в бытовой ссоре они не только потеряли своего соратника, но и нанесли ущерб местному населению в районе поместья Чжуцзячжуан.

Подводя итог этой части исследования, хотелось бы резюмировать приведённые эпизоды. Отрывки из романа «Речные заводи» показывают нам, что благородство разбойников из стана в Ляншань распространялось только на таких же вольных людей, они же и могли оценить его. Когда герои произведения оказывались вне стен своего лагеря, то сразу же начинали совершать многочисленные преступления. В них проявлялась настоящая сущность их вольницы – несмотря на все частые разговоры о благородстве и справедливости, все герои по-прежнему оставались обычными преступниками. Интересно сравнить героев романа с персонажами произведений таких известных писателей, как А. И. Солженицын и В. Т. Шаламов, которые прекрасно объясняют образ жизни подобных людей. В «Архипелаге ГУЛАГе» А. Солженицын пишет: «Так легки пути блатных в лагере: один шумок, одно предательство, дальше бей и топчи! Мне возразят, что только [суки] идут занимать должности, а “честные воры” хранят воровской закон. А я сколько не смотрел на тех и других, не замечал, чтобы одно отребье было благороднее другого. Воры выламывали у эстонцев золотые зубы кочергой. Воры (в КрасЛаге, 1941 год) топили литовцев в уборной за отказ отдать им посылку. Воры грабили осуждённых на смерть. Воры шутя убивают первого попавшегося однокамерника, чтобы только затеять новое следствие и суд, пересидеть зиму в тепле или уйти из тяжёлого лагеря, куда уже попали. Что ж говорить о такой мелочи, как раздеть-разуть кого-то на морозе? Что говорить об отнятых пайках? Нет уж, ни от камня плода, ни от вора добра. Теоретики ГУЛага

возмущались: кулаки (в лагере) даже не считают воров настоящими людьми (и тем, мол, выдают свою звериную сущность). А как же принять их за людей, если они сердце твоё вынимают и сосут? Вся их “романтическая вольница” есть вольница вурдалаков» [Солженицын 2006, т. 2, с. 352–353]. В очерке В. Шаламова «Жульническая кровь» мы находим такие слова: «Все люди мира, по философии блатарей, делятся на две части. Одна часть – это “люди”, “жульё”, “преступный мир”, “урки”, “уркаганы”, “блатари”, “жуки-куки” и т. п. ... Другая – фраера, то есть “вольные”... Ложь, обман, провокация по отношению к фраеру, хотя бы к человеку, который спас блатаря от смерти, – всё это не только в порядке вещей, но и особая доблесть блатного мира, его закон... Лживость блатарей не имеет границ, ибо в отношении фраеров (а фраера – это весь мир, кроме блатарей) нет другого закона, кроме закона обмана – любым способом: лезть, клеветой, обещанием... Дать честное слово вора фраеру, обмануть его, а затем растоптать клятву и нарушить её – это воровская доблесть, предмет хвастливых рассказов где-нибудь на тюремных нарах... Любая кровавая подлость в отношении фраера оправдана и освящена законами блатного мира. Но в отношении к своим товарищам вор, казалось бы, должен быть честен. К этому зовут его блатные скрижали, и жестокая расплата ждёт нарушителей “товарищества”» [Шаламов 1998, т. 2, с. 11–40]. Другую аналогию можно провести с феноменом казачества – с конца XV – первой половины XVI в. в «ничейных» южных степях России появлялись первые «многочисленные “воровские” казаки», которые чаще всего были «беглые, чаще бывшие преступники, источником существования которых были разбой, постоянные набеги...» [Каминский 2010, с. 144].

Примеры показывают нам, что разбойники считали равными себе и уважали лишь других разбойников – люди, не занимающиеся «защитой справедливости» (т. е. простые люди) не только не вызывали у них уважение, но и могли стать жертвой на пути у вольного человека.

Противники разбойников «Речных заводей»

Как известно, помимо правительственных войск²⁸ основными врагами героев из «Речных заводей» были чиновники в лице начальников областей. В пример можно привести борьбу с начальником области Цинчжоу Мужуном 慕容²⁹. Во время атаки на город разбойники не только убили его, но и «всей семье *чжифу* Мужуна, старым и малым, отрубили головы, описали и конфисковали имущество семьи и распределили между войском» 把慕容知府一家老幼盡皆斬首，抄扎家私，分俵眾軍 [Ши 2018, с. 772]³⁰. Но в этой части статьи мы хотели бы выявить ещё один тип противников героев произведения: это влиятельные городские (или деревенские) семьи и кланы. На нескольких примерах мы докажем этот тезис.

Во-первых, в качестве примера можно привести борьбу героев романа против влиятельной семьи Цзэнов 曾 из города Цзэнтоуши 曾頭市³¹. Конфликт между ними начался из-за лошади: конокрад по имени Дуань Цзинчжу Пёс с Золотой Шерстью (Дуань Цзинчжу Цзинь-мао Цюань 段景住金毛犬)³² украл коня по кличке Освещающий Ночь Яшмовый Лев (*Чжао е юй ши цзы* 照夜玉獅子) и отправился в Ляншань, где хотел преподнести его в качестве подарка Сун Цзяну и присоединиться к стану. Когда он проходил через Цзэнтоуши, коня отобрали члены семьи Цзэнов. Дуань Цзинчжу протестовал, что везёт его в подарок Сун Цзяну, на что те так обругали его, что Дуань Цзинчжу даже не смог пересказать их слова главе стана. После его рассказа Сун Цзян отправил в город на разведку Дай Цзуна. Он собрал информацию про

---

²⁸ В романе основные столкновения героев с правительственными войсками происходили в следующих главах: 55–57, 60–67.

²⁹ Нам неизвестно, почему А. П. Рогачёв переводил 慕容 как «Му Юн», а не «Мужун».

³⁰ У А. П. Рогачёва: «уничтожили всю семью и всех родственников начальника области Му Юна, забрали всё его имущество и разделили между бойцами» [Ши 2008, т. 2, с. 447].

³¹ Вымышленный город; в романе располагался в юго-западной части округа Линчжоу провинции Шаньдун.

³² А. П. Рогачёв переводит Цзинь-мао Цюань как «Рыжий пёс».

всех членов семьи Цзэн и их помощниках, а также узнал, что в городе «собрано пять-семь тысяч людей и коней, устроен часток, построено больше пятидесяти засадных колесниц» 聚集着五七千人马，扎下寨栅，造下五十余辆陷车 [Ши 2018, с. 793]³³. Когда между войсками из Ляншаня и Цзэнтоуши начались многочисленные стычки, в ходе одной из них был ранен стрелой в лицо глава стана Чао Гай Небесный Царь с Пагодой в Руках³⁴ (*Чао Гай То-та Тянь-ван* 晁蓋托塔天王). После этого вражда между ними на время остановилась, в 68-й главе романа она снова начинается. По её итогам была истреблена вся семья Цзэнов, их помощники (Ши Вэньгуну 史文恭, который также служил у семьи Цзэнов, разбойники рассекли грудь и принесли его сердце в жертву духу Чао Гая), а город Цзэнтоуши был разграблен.

Второй пример также ярко иллюстрирует отношения между героями произведения и местными семьями. Ранее мы уже упоминали эпизод, где несколько разбойников сжигают постоянный двор семейства Чжу 祝. Им принадлежала вся местность в округе в 300 *ли*. «Перед поместьем, за поместьем живёт пять-семь сотен семейств. Все они арендаторы, на каждый дом выдано по две [алебарды] *пудао*» 莊前莊后有五七百人人家，都是佃戶，各家分下兩把朴刀與他 [Ши 2018, с. 623]³⁵. Именно в это поместье увели пойманного Ши Цяня. Оно располагалось недалеко от утеса Дулунган 獨龍崗, кроме него на двух других холмах располагались ещё два поместья: на западном было поместье Хуцзячжуан 扈家莊 (Поместье семьи Ху), а на восточном Лицзячжуан 李家莊 (Поместье семьи Ли)³⁶. Из-за нахождения в непосредственной близо-

³³ У А. П. Рогачёва: «уже стояло наготове войско численностью до семи тысяч человек, которые расположились лагерем и заготовили более пятидесяти боевых колесниц» [Ши 2008, т. 2, с. 476].

³⁴ Прозвище Чао Гая также переводится как «Небесный царь Вайшравана». Вайшравана (санскр. Vaiśravaṇa/Vaiśhravana – «Яснослышащий») – буддийский бог-защитник Севера, один из Четырёх Великих Правителей (санскр. Cāturmahārājika). А. П. Рогачёв переводит *То-та Тянь-ван* как «Небесный князь».

³⁵ У А. П. Рогачёва: «Вокруг их поместья живёт до семисот семейств. Все они арендуют земли хозяина Чжу, и на каждый дом выдано по два меча» [Ши 2008, т. 2, с. 242].

³⁶ В настоящее время обе деревни также находятся в городском округе Линь провинции Шаньдун.

сти от лагеря Ляншань поместья заключили между собой союз, по которому обязались помогать друг другу в случае опасности. Самым защищённым поместьем было Чжуцзячжуан: «с четырёх сторон – виток широкой протоки. То поместье было построено прямо на утёсе, имело трёхъярусные стены, все валы, сложенные из грубого камня, высотой примерно в два *чжана*. Спереди и позади – пара ворот в поместье и пара подвесных мостов. Внутри стен четырёхугольное [пространство], полностью покрытое халупами и лавками. Под [каждой из] четырёх [стен] были понатыканы пики, мечи [и другое] оружие. В надвратных башнях были расставлены боевые барабаны и медные гонги» 四下一遭闊港。那莊正造在岡上，有三層城牆，都是頑石壘砌的，約高二丈。前後兩座莊門，兩條吊橋。牆裡四邊，都蓋窩鋪，四下裡遍插著槍刀軍器，門樓上排著戰鼓銅鑼 [Ши 2018, с. 631]³⁷. Случай с постоянным двором Сун Цзян решает использовать в качестве повода для нападения на это поместье. Кроме того, он хочет укрепить боевой дух стана, пополнить запасы продовольствия и привлечь в ряды Ляншаня известного среди разбойников Ли Ина Орла Бросающегося к Небу (*Ли Ин Пу-тянь Дяо* 李應撲天雕)³⁸, который также владел поместьем Лицзячжуан. Войско разбойников лишь с третьего раза смогло захватить Чжуцзячжуан, после разграбления они получили большую добычу: «Живьём взяли человек четыреста-пятьсот, захватили более пятисот хороших коней, живыми увели коров и баранов – и не упомянуть их числа» 生擒得四五百人，奪得好馬五百余疋，活捉牛羊不記其數 [Ши 2018, с. 670]³⁹. Поместье Хуцзячжуан также не смогло избежать такой участи. Несмотря на соглашение о союзе между главой семьи и Сун Цзяном, Ли Куй вместе со своим отрядом ворвался в боевом трансе в поместье, после чего перебил всю семью Ху, разграбил его и поджёг. Лишь благодаря Ли

³⁷ У А. П. Рогачёва: «было окружено широким рвом. Кроме того, оно было обнесено трёхъярусной стеной из дикого камня высотой примерно в два *чжана*. К передним и задним воротам вели подъёмные мосты. В стене были бойницы, где хранилось оружие: копьё, мечи и прочее. А в башнях находились гонги и барабаны» [Ши 2008, т. 2, с. 252].

³⁸ У А. П. Рогачёва: «Орёл, взмывающий к облакам».

³⁹ У А. П. Рогачёва: «В плен было взято человек четыреста-пятьсот; увели более пятисот хороших коней, а коров и овец без счёта» [Ши 2008, т. 2, с. 304].

Ину поместью Лицзячжуан удалось пережить нападение разбойников. Ли Ин также будет вынужден присоединиться к главарям стана в Ляншань.

Эти примеры показывают нам, что помимо традиционных противников в лице представителей власти восставшие из Ляншань также сражались против местной неофициальной элиты. Сюжет романа демонстрирует нам, что фактически именно подобные поместья и небольшие города были способны дать организованный отпор разбойникам: пример трёх поместий показывает нам, насколько нелегко им было справиться с эффективным союзом и обороной. Это также позволяет нам предположить, что борьба разбойников с землевладельческой элитой отражала обычную ситуацию для средневекового Китая: на местах лишь она обладала реальной властью, в то время как официальные чиновники могли располагать крайне ограниченным репрессивным инструментарием, которого явно было недостаточно для подавления крупномасштабных восстаний.

Определение вида восстания в романе «Речные заводи»

Идеологические ограничения, господствовавшие в годы Советского Союза, не позволяли рассматривать персонажей романа в ракурсе обыкновенных (пусть и ярких) преступников. Герои и их конфликт с властями описывался как борьба угнетённых классов с феодальным гнётом, считалось, что в романе описано антиправительственное крестьянское восстание, даже крестьянская война.

БСЭ даёт следующее определение крестьянской войне: «гражданская война угнетённых классов и сословий города и деревни против класса феодалов и феодального крепостнического государства. Явилась открытым проявлением борьбы крепостнических и антикрепостнических тенденций исторического развития всей страны, носителями которых были, с одной стороны, феодалы и, с другой – крестьяне, горожане и промежуточные слои населения. К. в. была вызвана резким обострением классовых противоречий в результате сильного ухудшения экономического, социаль-

ного и юридического положения народных масс» [БСЭ 1973, т. 13, с. 398–399]. В своём послесловии к роману А. П. Рогачёв пишет: «...повстанцы наносили по феодальному строю настолько сильные удары, что нередко ставили господствующие классы в весьма затруднительное положение... Большим достоинством романа следует считать реалистическое описание крестьянской войны. На протяжении всего романа автор подчёркивает мысль о том, что вынужденные выступить против гнёта и жестокости феодального строя, повстанцы ставят своей целью борьбу только против злостных и жадных чиновников... Повстанцы – и сам Сун Цзян, и выходцы из угнетённых сословий, и отверженные из господствующих классов, волею судеб заброшенные в лагерь Ляншань...» [Ши 2008, т. 2, с. 676–678]. Л. В. Симоновская также называет восстание Сун Цзяна крестьянским восстанием: «С древнейших времён в истории Китая отмечено множество массовых народных восстаний. Повстанцы – рабы, крестьяне, горожане – свергали императорские династии, истребляли жесточайших своих угнетателей, брали города и занимали целые области, добиваясь установления на земле нового, счастливого порядка. Ещё резче и отчётливее прозвучал лозунг уравнения имущества богатых и бедных в крестьянской войне в Сычуани в конце X и начале XI в. Он повторился в городских восстаниях северо-востока, в борьбе повстанцев в Чжэцзяне и Фуцзяни, в опозитизированном, овеянном легендами восстании Сун Цзяна (XII в.), которое стало темой общеизвестного романа «Речные заводы» [Симоновская 1958, с. 3–4]. Г. Я. Смолин тоже считает выступление Сун Цзяна крестьянским движением: «Так, уже в подробном, занимающем многие страницы, показе повседневного быта повстанческого лагеря, в раскрытии душевных переживаний действующих лиц – отнюдь не ходюльных героев, в описании их разнообразных практических действий (удалых походов и набегов) нашли выражение, пусть в подчас в преувеличенной степени, черты и настроения крестьянской вольницы, запечатлён свойственный данному восстанию, как и многим другим средневековым народным движениям, разбойный оттенок» [Смолин 1974, с. 455–456]. Нужно отметить, советские исследователи признавали, что восстание не было выдающимся собы-

тием во внутривосточной жизни Китая тех лет: «В самом деле, из приведённой выше сводки сохранившихся до нашего времени сообщений источников нетрудно заключить, что восстание Сун Цзяна как реальный исторический факт, строго говоря, не представляло собой сколько-нибудь крупного по масштабам и социально-политическому воздействию события. Скорее оно явилось заурядным эпизодом в истории антифеодальных выступлений крестьянства Сунской империи, каких было немало...» [Смолин 1974, с. 454]. Фактически лишь появление романа «Речные заводы» позволило запечатлеть это малозначительное событие в культуре Китая. В третьей, заключительной части статьи мы попытаемся доказать, что восстание, помимо того, что, конечно, не обладало масштабами крестьянской войны, не только имело некоторые паразитические черты, но и не являлось по сути крестьянским.

Первое, на что мы обращаем внимание, это происхождение некоторых лидеров стана, которое не позволяет говорить о восстании как о крестьянском выступлении. В заключительной 70-й главе произведения проходит распределение постов в Ляншань. Сун Цзян был главой стана и командиром всех военных отрядов (о его происхождении мы будем говорить ниже). Один из высших постов получают Чай Цзинь Маленький Вихрь (*Чай Цзинь Сюэ Сюаньфэн* 柴進小旋風) и Ли Ин: они стали заведовать казной и продовольственными складами. Они оба принадлежали к представителям местных элит – Чай Цзинь являлся потомком императора Чай Жуна (柴榮, 921–959, правил в 954–959, Ши-цзун 世宗), второго правителя государства Поздняя Чжоу (*Хоу Чжоу* 後周), а Ли Ин владел поместьем Лицзячжуан. Цай Фу Железные Руки (*Цай Фу Те Бибо* 蔡福鐵臂膊) и Цай Цин Цветок (*Цай Цин И-чжи-хуа* 蔡慶一枝花) стали отвечать за наказания и казни. До присоединения к восставшим братья служили в тюрьме: Цай Фу был смотрителем и палачом, а Цай Цин – надзирателем. Сюэ Жана Писаря Святомудрые Руки (*Сюэ Жан Шэн-шоу Шу-шэн* 蕭讓聖手書生) назначили на пост ведения переписки лагеря, изготовления приказов о мобилизации и перемещения отрядов. Цзинь Дацзянь Мастер Нефритовая Рука (*Цзинь Дацзянь Юй-би Цзян* 金大堅玉臂匠)

стал ведать изготовлением бирок и печатей лагеря. До того как присоединиться к разбойникам, Сяо Жан был известным каллиграфом, а Цзинь Дацзянь – умелым резчиком по камню. Под предлогом работ в монастыре оба мастера были обманом завлечены в разбойничий стан. Пэй Сюань Железнодорожный Кунму назначался на пост уполномоченного по военно-судебным вопросам, а именно вознаграждения за заслуги и установление мер наказания за преступления. Он происходил из судейской семьи, был широко известен среди народа своей честностью и неподкупностью. После конфликта с новым жадным начальником был клеймён и сослан, по пути в ссылку его конвой был перебит разбойниками, после чего тот стал возглавлять их лагерь. Цзян Цзин Духоподобный Счетовод (*Цзян Цзин Шэнь Суаньцзы* 蔣敬神算子) начал отвечать за ведение учёта ценностей, продовольствия, а также приём и выдачи их. Цзян Цзин провалил экзамен на учёную степень, после чего был вынужден взяться за оружие, славился искусным владением каллиграфией и счётом. Хоу Цзянь Обезьяна Загребущие Руки (*Хоу Цзянь Тун-би Юань* 侯健通臂猿)⁴⁰ помимо изготовления одежды стал отвечать за производство знамён и полотнищ. До присоединения к Ляншань служил портным в доме чиновника. Некрестьянское происхождение этих героев говорит само за себя. Большинство персонажей представляются скорее деклассированными элементами, которым после совершения преступления попросту некуда было пойти. Жёсткая иерархия в стане показывает нам высокую степень организованности восставших.

Но может быть, среди других разбойников были лица с крестьянским происхождением? В ходе перевода А. П. Рогачёв назвал Сун Цзяна и его семью «зажиточными крестьянами»: «Теперь вернёмся к Сун Цзяну. Он происходил из зажиточной крестьянской семьи. Зачем же в их доме было устроено подземное убежище?» [Ши 2008, т. 1, с. 352]. В оригинале читаем: «Говоря о Сун Цзяне, то был бы он усадебным крестьянином, [то] как же у него [мог] быть бы такой подвал?» «且说宋江他是个莊农之家，如何有这地窖子?»

⁴⁰ Прозвища ряда героев А. П. Рогачёв переводит иначе: *И чжихуа* – «Одинокый цветок», *Шэн шу шу шэн* – «Волшебный писарь», *Юй би цзян* – «Чудесный гравёр», *Шэньсуаньцзы* – «Волшебный счётчик», *Тун би юань* – «Обезьяньи руки».

[Ши 2018, с. 283]. Далее автор романа рассказывает нам, что во времена империи Сун крупным чиновникам жилось легко, так как двор был коррумпирован, а на все посты назначались только родственники или богачи. У мелких служащих была непростая жизнь – за любой проступок их могли клеймить и сослать в далёкое место, а имущество описать и конфисковать. В подобных подземных убежищах служащий порой мог переждать свои бедствия. В 22-й главе романа Сун Цзян как раз прятался в таком подвале, в то время как в его доме находились стражники. Соответственно, автор полагает, что будь Сун Цзян крестьянином, то такой подвал ему был бы не нужен – это часть беспокойной жизни чиновничества.

Тем не менее по происхождению Сун был как раз из крестьян, об этом позволяет судить описание Сун Цина Железного Веера (Сун Цин Те Шаньцзы 宋清鐵扇子), младшего брата Сун Цзяна: «Потом, был братец, прозванием было Железный веер Сун Цин, [он] сам и его отец Сун тайгун занимались в деревне земледелием, проводили жизнь, ведая несколькими полями и садами» 下有一个兄弟，唤做鐵扇子宋清，自和他父亲宋太公在村中务农，守些田园过活 [Ши 2018, с. 226]⁴¹. Таким образом, семья Сунов действительно была крестьянской, но, вероятно, достаточно зажиточной – имела собственные «несколько полей и садов» и могла себе позволить дать по крайней мере одному из сыновей образование (без него Сун Цзян никак не мог стать чиновником). Из всей его семьи крестьянином можно назвать только Сун Цина и его отца, однако тот не играл большой роли в сюжете романа. Но с точки зрения классового подхода (как и с точки зрения автора романа), Сун Цзян уже не мог считаться крестьянином, так как по своему роду деятельности относился к сословию чиновников.

Среди других персонажей мы можем найти разбойников крестьянского происхождения, которые жили в деревне (или родились там), но неизвестно, занимались ли они земледелием. Первый

---

⁴¹ У А. П. Рогачёва: «У Сун Цзяна был младший брат по имени Сун Цин, по прозвищу “Железный веер”. Он жил в деревне со своим старым отцом, занимаясь сельским хозяйством и никогда не покидал деревни. Жили они на то, что получали со своего поля и огорода» [Ши 2008, т. 1, с. 278]. Тайгун 太公 – отец, также используется как вежливая форма обращения к чужому отцу.

герой, крестьянское происхождение которого нам известно, это Ли Куй. Он был родом из деревни (цунь 村) Байчжан 百丈, уезда Ишуй 沂水, области Ичжоу 沂州⁴². После совершения убийства в деревне он бежал и поселился в городе Цзянчжоу 江州⁴³, где начал служить стражником в местной тюрьме. Братья Юань (Юань Сяо-эр Тайсуй, Обосновавшийся на Земле (Юань Сяо-эр Ли Ди Тайсуй 阮小二立地太歲), Юань Сяо-у Второй Муж Короткая Жизнь (Юань Сяо-у Дуань-мин Эр-лан 阮小五短命二郎), Юань Сяо-ци Живой Яньло (Юань Сяо-ци Хо Янь-ло 阮小七活閻羅))⁴⁴ жили в деревне Шицзе 石碣⁴⁵, занимались рыболовством и тайными перевозками на озёрах у Ляншань. Другой разбойник по имени Тао Цзун-ван Девятихвостая Черепаха (Тао Цзун-ван Цзю-вэй Гуй 陶宗旺九尾龜) происходил из крестьянской семьи из города Гуанчжоу 光州⁴⁶. Ши Юн Каменный Полководец (Ши Юн Ши Цзянцизюнь 石勇石將軍) был родом из области (фу 府) Дамин 大名⁴⁷, жил за счёт азартных игр. Герой по имени Бай Шэн Дневная Крыса (Бай Шэн Бай-жи Шу 白勝白日鼠) жил в деревне Аньлэ 安樂⁴⁸, постоянных занятий не имел. Всего, как мы видим, лишь семь персонажей романа были из крестьян, но даже и до превращения в разбойников они не занимались земледелием – перед нами классические деклассированные элементы. Оснований говорить о крестьянской природе выступления у нас, таким образом, нет, хотя, конечно, стан Ляншань не ограничивался 108 героями романа.

⁴² В настоящее время деревни с таким названием в уезде Ишуй провинции Шаньдун нет, область Ичжоу была расформирована в 1913 г.

⁴³ В настоящее время город Цзюцзян 九江 провинции Цзянси.

⁴⁴ Прозвища братьев у А. П. Рогачёва: *Ли Ди Тайсуй* – «Бессмертный», *Дуань-мин Эр-лан* «Недолговечный», *Хо Янь-ло* «Свирепый князь ада». *Тайсуй* (букв. «Великий год») – в мифологии Китая занимает место бога времени, покровитель Юпитера (Суйсин 歲星). *Яньло* (санскр. Yama-gāja) – буддийский правитель ада, судья в загробном мире.

⁴⁵ В настоящее время деревня Бэйцичэн 北吉城 волости (сян 鄉) Цзюсянь 舊縣 уезда Дунпин 東平 провинции Шаньдун.

⁴⁶ Ныне уезд Хуанчуань 潢川 городского округа Синьян 信陽 провинции Хэнань.

⁴⁷ В настоящее время уезд Дамин 大名 городского округа (ши 市) Ханьдань 邯鄲 провинции Хэбэй.

⁴⁸ Вероятнее всего, деревня сегодня является частью посёлка (чжэнь 鎮) Лоучжуан 樓莊 уезда Цао 曹 городского округа Хэцзэ провинции Шаньдун.

Второе, о чём мы хотели бы сказать, это жёсткая иерархия, которая существовала в лагере Ляншань. После смерти Чао Гая Сун Цзян стал полноправным главарём, приказы которого были обязательными для всех разбойников в лагере, а его авторитет – непререкаем. Это также отразилось в каменной плите, которая была послана Небом разбойникам в конце романа. Все 108 главных героев подразделялись на 36 звёзд-*тяньган* (*Тяньган сань-ши лю син* 天罡三十六星) и 72 звезды-*диша* (*Диша ци-ши эр син* 地煞七十二星)⁴⁹. Разделение показывало иерархию в лагере: к 36 звёздам отнеслись наиболее важные персонажи романа, они обладали бóльшим авторитетом, чем персонажи, которые были отнесены к земным звёздам.

При этом не стоит забывать, что Сун Цзян неоднократно утверждал, что он не борется против императора. В романе Ли Куй дважды предлагает ему прорваться с боем в столицу, перебить всех сановников и захватить трон. Другие разбойники были вынуждены успокаивать Ли Куя, а Сун Цзян так гневался из-за его слов, что даже терял дар речи. Также вспомним главного антагониста произведения – это сановник Гао Цю 高俅. В романе Гао Цю представляется главным злодеем: он неоднократно строит козни против главных героев, отправляет под суд под вымышленным предлогом, а также является инициатором отправки против Ляншань правительственных войск. Интересно, что в последующей классической литературе Китая сохраняется подобное отношение к восставшим и Гао Цю. В романе XVII века «Цветы сливы в золотой вазе», который начинает своё повествование с рассказа о том, как У Сун убивает на перевале тигра, есть такие слова: «Так вот, в годы под девизом Мира и Порядка сунский император Хуэйцзун доверился четвёрке преступных сановников – своим фаворитам Гао Цю, Ян Цзяню, Тун Гуаню и Цай Цзину, которые навлекли на Поднебесную великую смуту. Люди забросили свои занятия, народ попал в безвыходное положение. Кишмя кишели разбойники. Взволновались живущие под Большой Медведицей, всполошился двор Вели-

---

⁴⁹ *Тяньган сань-ши лю син* и *Диша ци-ши эр син* А. П. Рогачёв перевёл как «Небесные» и «Земные звёзды».

ких Сунов и весь мир. Во всех концах империи поднялись разбойники: Сун Цзян – в Шаньдуне, Ван Цин – в Хуайси, Тянь Ху – в Хэбэе и Фан Ла – в Цзяннани. Эти самозванцы величали себя князьями, громили округа, грабили уезды, жгли и убивали. Только Сун Цзян в своих деяниях не расходился с велением Неба: искоренял неправедных, убивал продажных чиновников-казнокрадов, злодеев и клеветников» [Цветы сливы в золотой вазе 1994, т. 1, с. 83]. В этом и заключается суть восстания Сун Цзяна: император Китая является священной фигурой, но его окружают одни подлые чиновники, которые постоянно портят нашу жизнь, против них мы и сражаемся. Основываясь на анализе противников разбойников и вида восстания, мы также делаем вывод, что их движение не только не было крестьянским – оно фактически является антикрестьянским: среди лидеров восстания почти не было крестьян, немалое место в романе уделяется описанию борьбы разбойников с крупными землевладельческими семьями, они же часто вступают в мелкие конфликты с жителями деревень, нередко герои романа грабят крестьян (упоминавшиеся ранее примеры с участием Линь Чуна и Ли Куя подтверждают это). Лозунги борьбы за справедливость тут остаются не более чем лозунгами.

Основным же выводом в этой части является наше утверждение о том, что движение из романа «Речные заводи» является не крестьянским выступлением, а разбойничьей шайкой со своим собственным станом (укреплённым лагерем) в Ляншань. Советские же исследователи, опираясь на господствовавшую марксистскую идеологию, считали его одним из проявлений классовой борьбы, что не отражало реального характера событий и противоречило авторскому замыслу.

Заключение

В заключение мы попытаемся дать ответ на такой вопрос: если разбойники из Ляншань совсем не положительные герои, то почему рассказы о них столь популярны? Есть несколько причин, которые могут объяснить популярность романа «Речные заводи», а также историй про Сун Цзяна и других вольных людей.

Во-первых, невысокое происхождение большей части героев историй. Слушатели историй о Сун Цзяне видели в них понятных себе людей, которые были похожего происхождения и могли буквально встретиться читателю/слушателю на улице. В романе также присутствует ряд героев со знатным происхождением и интеллектуальных занятий, но это никак не влияло на общую популярность сюжетов о повстанцах и взаимоотношения внутри стана, так как все разбойники были связаны общим делом – к тому же, конечно, приключения принцев и аристократов, которые водят дружбу с престолюдинами, – сюжет ничуть не менее интересный.

Во-вторых, это лихость и своенравие героев. Они позволяли себе открыто выступать против несправедливых служителей власти (например, противостояние Линь Чуна с сановником Гао Цю, У Суна с чиновником Чжаном 張) и совершать преступления и даже злодеяния, на которые бы не решился простой обыватель. Постоянная жизнь в бегах, которая была лишена ежедневных проблем, нравилась слушателям – они такую жизнь позволить себе не могли (и, скорее всего, и не хотели бы – но послушать про это им было интересно).

В-третьих, это корпоративность восставших. Несмотря на элитарный, закрытый характер стана в Ляншань, к ним мог присоединиться каждый, кто был готов бороться против «несправедливости». В стане вольный человек попадал в группу единомышленников, ему досталась бы доля от всех походов разбойников, он становился благородным (для своих). Если в пути он говорил, что принадлежит к лагерю Сун Цзяна, то многие встречные не посмели бы переходить дорогу такому человеку. В условиях общей незащитности простого человека перед государством или криминалитетом членство в подобном объединении спасает и даёт некую гарантию на более счастливую и обеспеченную жизнь. Корпоративность восстания из Ляншань схожа с таким криминальным сообществом как мафия. А. Н. Сухов считает, что мафия – это «корпоративность, согласованность действий во имя групповых интересов» [Сухов 2013, с. 99]. В. В. Волков отмечает социокультурные корни мафии, которые также заметны в романе «Речные заводы»: «... всё поведение мафиозо или мужчины, стремящегося им стать, было

подчинено фанатической заботе о чести, завоеванию уважения в глазах сообщества путём использования насилия, а также контроля за соблюдением традиционных моральных норм и запретов. Это позволяло достигать высокого статуса, источником которого был объём общественного уважения, что в свою очередь позволяло занять господствующую политическую позицию» [Волков 2004, с. 20]. По мнению В. Волкова, любой человек, вне зависимости от профессии, мог стать членом мафии, что также подтверждает сходство стана разбойников с мафиозным сообществом: «...мафиозо мог иметь любой профессиональный статус. Формально он мог быть арендатором, пастухом, врачом, охранником или даже крестьянином, но благодаря своему поведению и соблюдению кодекса чести он становился “уважаемым человеком” и мог отправлять важнейшие политические функции (об этом ниже), постепенно меняя содержание деятельности, источник дохода и совершая восходящую мобильность» [Волков 2004, с. 20].

В-четвёртых, персонажи «Речных заводов» обладают самыми разнообразными навыками и умениями. Кто-то из героев умеет обращаться с боевыми топорами, плётками или копьём, некоторые же владеют в совершенстве даосской магией. Какому слушателю не будет интересно послушать про летающих воинов?

Популярности романа также способствовал тот факт, что он полностью написан на повседневном языке *байхуа* 白話 – что для литературы традиционного Китая было скорее исключением. При этом в художественном переводе А. П. Рогачёва (также, конечно, неслучайно) стиль языка романа заметно деформирован – грубые, даже вульгарные обороты, которыми изобилует повествование (это заметно даже по немногочисленным примерам, использованным нами в данной статье), в переводе старательно сглажены – таким образом, теряется явно предусмотренный автором контраст между стилем повествования и напыщенными, изысканными речами самих разбойников (особенно в беседах между собой). Конечно, такой «солёный» язык обладал живостью и яркостью, что не могло не способствовать росту популярности произведения.

Из анализа произведения также можно сделать вывод, что роман «Речные заводы», который чаще всего относится к авантюрно-

приключенческому произведению, можно также отнести и к криминальному жанру. Совокупность таких особенностей как наличие множества персонажей-преступников, описания их преступлений, реакций властей на них, вероятно, делает роман «Речные заводи» древнейшим китайским криминальным романом, однако этот вопрос требует специального, отдельного исследования. Герои произведения и их «заслуги» являются отнюдь не положительными, тем не менее они не перестают быть интересными для читателей.

Заканчивая статью, необходимо обобщить вышесказанное. В первой части мы затронули проблему благородства разбойника в романе «Речные заводи» – приведем примеры из произведения и аналогии мы пришли к выводу, что персонажи являются обычными преступниками, а не благородными героями. Далее мы выявили новый тип их противников, которые выступают в качестве представителей местной землевладельческой элиты. В третьей части мы уточняли тип восстания разбойников и пришли к выводу, что советское определение восстания является ошибочным, а разбойники даже занимаются антикрестьянской деятельностью. В заключительной части мы коснулись вопроса популярности романа и привели доводы, которые могут её объяснить. Всё это позволяет нам взглянуть на роман с новых ракурсов, а также начать его новую интерпретацию.

Источники и литература

1. Бокшанин, Непомнин 2015 – *Бокшанин А., Непомнин О.* Лики Срединного царства. Занимательные и познавательные сюжеты средневековой истории Китая. М.: Ломоносовъ, 2015. 432 с.
2. БСЭ 1973 – Большая Советская Энциклопедия: в 30 томах / Гл. ред. А. М. Прохоров. Изд. 3-е / Т. 13. Конда-Кун. М.: Советская энциклопедия, 1973. 608 с.
3. Волков 2004 – *Волков В. В.* Мафия в зеркале социологии // Экономическая социология. 2004. Т. 5. № 3. С. 16–34.
4. Воскресенский 2008 – *Воскресенский Д. Н.* Повествовательная проза на языке байхуа // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. Т. 3: Литература. Язык и письменность / Ред. М. Л. Титаренко и др. М.: Восточная литература 2008. С. 93–109.

5. История Китая с древнейших времён... 2016 – История Китая с древнейших времён до начала XXI века: в 10 т. Т. IV. Период Пяти династий, империя Сун, государства Ляо, Цзинь, Си Ся (907–1279) / Отв. ред. И. Ф. Попова. М.: Наука – Восточная литература, 2016. С. 264.

6. Каминский 2010 – *Каминский Ф. А.* Казачество как специфичное явление отечественной истории // Социально-экономические явления и процессы. 2010. № 5. С. 144–147.

7. Панасюк 1954 – *Ло Гуань-чжун.* Троецарствие: роман в 2-х томах / Пер. В. А. Панасюка под ред. В. С. Колоколова. Подгот. текста, предисл. и коммент. Б. Л. Рифтина. М.: Государственное изд-во художественной литературы, 1954. 1584 с.

8. Пан 2008 – *Пан Ин.* Текстология китайского классического романа («Речные заводы» и «Сон в красном тереме») / Ред. Е. А. Серебряков. Составитель Т. А. Пан. СПб.: Нестор-История, 2008. 351 с.

9. Рифтин 1970 – *Рифтин Б. Л.* Историческая эпопея и фольклорная традиция в Китае: Устные и книжные версии «Троецарствия». М.: Наука, 1970. 482 с.

10. Рифтин 2004 – *Рифтин Б. Л.* Теория китайского романа: «Правила чтения “Троецарствия” Мао Цзун-гана» // Памятники литературной мысли Востока. М.: ИМЛИ РАН, 2004. 464 с. С. 335–382.

11. Рифтин 2006 – *Рифтин Б. Л.* Эпопея «Троецарствие» в иллюстрациях XVI–XVII вв. // Слово и мудрость Востока. М.: Наука, 2006. 582 с. С. 365–388.

12. Симоновская 1958 – *Симоновская Л. В.* Великая крестьянская война в Китае. 1628–1645 гг. М.: Учпедгиз, 1958. 111 с.

13. Словарь русского языка 1999 – Словарь русского языка: в 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999 // Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор». URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения 30.07.2022).

14. Смолин 1974 – *Смолин Г. Я.* Антифеодальные восстания в Китае второй половины – первой четверти XII в. М.: Наука, 1974. 556 с.

15. Солженицын 2006 – *Солженицын А. И.* Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956. Опыт художественного исследования. III–IV. Екатеринбург: У-Фактория, 2006. 560 с.

16. Сухов 2013 – *Сухов А. Н.* Организованная преступность и коррупция // Человек: преступление и наказание. 2013. № 3. С. 99–101.

17. Сыма 1972 – *Сыма Цянь.* Исторические записки («Ши Цзи»): в 9 т. Т. 1 / Пер. с кит. и коммент. Р. В. Вяткина и В. С. Таскина; под общ. ред. Р. В. Вяткина; вступ. ст. М. В. Крюкова. М.: Наука, 1972. 440 с.

18. Рогачёв 1959 – *У Чэн-энь*. Путешествие на Запад. В 4-х томах / Пер. с кит., вступ. ст. и прим. А. Рогачёва; перевод стихов под ред. А. Адалис и И. Голубева. М.: Государственное изд-во художественной лит-ры, 1959. 1920 с.

19. Панасюк 1958 – *Цао Сюэцинь*. Сон в красном тереме: роман в 2 т. / Пер. с кит. В. Панасюка. М.: Художественная литература, 1958. 1760 с.

20. Цветы сливы в золотой вазе 1994 – Цзинь, Пин, Мэй, или Цветы сливы в золотой вазе: Роман. В 4-х т.: Пер. с кит. / Пер. В. С. Манухин и др.; сост. и отв. ред. А. И. Кобзев; вступит. ст. Д. Н. Воскресенского, О. М. Городецкой, А. Д. Дикарёва и др.; прим. Д. Н. Воскресенского, О. М. Городецкой, В. С. Манухина и др. Иркутск: Улисс, 1994. Том 1. 1994. 448 с.

21. Шаламов 1998 – *Шаламов В. Т.* Собрание сочинений в четырёх томах. Т. 2. М.: Художественная литература, Вагриус, 1998. С. 11–40.

22. Ши 2008 – *Ши Найянь*. Речные заводи. Роман в 2 томах / Пер. А. П. Рогачёва. Серия «Классическая китайская литература». М.: Эннеагон Пресс, 2008. 548 с., 688 с.

23. Ши 2018 – *Ши Найянь* 施耐庵. Шуйхучжуань 水滸傳 («Речные заводи»). Пекин: Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ 人民文学出版社, 1997. 1314 с.